

— Так даже лучше, чувства неглубокие — меньше поводов для горести, — улыбнувшись, произнес старый маршал Вулф беззлобно и с легкой горечью. Его морщины разгладились, словно круги по воде. Один из отцов-основателей Союза тихо добавил: — Не то что я, старый дурак, которого круглый год держат взаперти на Вото и который раз за разом отправляет своих курсантов и младших товарищей на поле боя, наблюдая, как они уходят без возврата... Ну или добиваются славы на мгновение, после чего о них все забывают.

В Союзе уже целое столетие не было крупных войн, а за последние десять с небольшим лет лишь изредка пошумливали горстки межзвездных пиратов, устраивавших мелкие теракты. При ежегодном сокращении военных расходов и постоянном урезании армии правительством Ли Цзинхэн мог в два счета разобраться с ними даже вместе с Серебряной Крепостью, которая почти скатилась до уровня увеселительного лагеря для отпрысков знати. Стоило людям услышать о какой-то пиратской вылазке, как главари уже бывали казнены. Становилось очевидно, что и сами бунтари были лишь грозными на словах, а на деле — жалкими остатками прежних банд, не способными поднять серьезную бурю.

Раз с этим было так легко справиться, то и о каких-то выдающихся заслугах человека, решавшего подобные вопросы, говорить не приходилось.

Никого не волновало, сколько сражений провела Серебряная Крепость и сколько межзвездных пиратов она разбила. Зато все прекрасно помнили, как много лет назад межзвездная богиня Евгеньевия публично на весь космос призналась в любви генерал-лейтенанту Ли. Продюсерская компания Евгеньевия вбухала в Эдеме огромную сумму денег: каждый, кто стал свидетелем этой декларации чувств, мог воочию прочувствовать мощный выброс бушующих гормонов. Эмоции фанатов богини метались из крайности в крайность, чуть не обрушив всю сеть Эдема.

К сожалению, генерал Ли заблокировал Эдем, и все томные взгляды богини ушли в никуда, словно она заигрывала со слепцом. Он даже не удосужился показаться на глаза, а лишь выпустил сухое официальное заявление от имени Серебряной Крепости. Отбросив всю лирику и высокопарные слова, суть заявления сводилась к следующему: «Ты кто такая? Не знаю, занят, катись».

И по сей день, если бы не правило не говорить дурного об усопших, и если бы Союз ради успокоения военных не вознес Ли Цзинхэна на пьедестал, этот самый Ли, пожалуй, так и остался бы в памяти межзвездного сообщества знаменитым мерзавцем, импотентом и отъявленным террористом.

Что уж говорить о генерале с передовой, если даже бессловесный и праздный Военный совет Союза превратился в обитель для бесталанных детишек из знатных семей, которые просто коротали здесь дни. Главной их задачей было поддержание имиджа: не дай бог медиа заснимут у кого-то горб, лишний жир или неопрятный вид — придется с позором приносить публичные извинения.

После гибели Ли Цзинхэна активность межзвездных пиратов стала стремительно расти. Представители Семи Галактик и Вото ожесточенно спорили о военной автономии, однако на

заседаниях союзного парламента мнение старого маршала Вулфа по-прежнему не имело никакого веса.

Да и Уланская академия перестала быть чисто военным вузом. От Первой Военной академии осталось лишь название, а восемьдесят процентов выпускников уходили в невоенные сферы.

Ли Цзиншу, будучи супругой великого генерального секретаря, прекрасно понимала всё это, но открыто высказываться не стала, лишь мягко улыбнулась в ответ.

Место проведения банкета уже было близко, и старый маршал с Ли Цзиншу на мгновение замолчали, погруженные в свои мысли.

Вдруг маршал Вулф произнес:

— Вы с Цзинхэном с самого детства редко виделись. Это по политическим причинам, так складывалась ситуация, он в этом не виноват.

Ли Цзиншу понимающе кивнула:

— Разумеется.

— В конце концов, он ваш родной брат, мисс Ли, — старый маршал, возможно, уже подзабыл в силу возраста, что она давно стала госпожой Гордон, и принялся рассеянно бормотать: — Вы уж не забывайте его. Не знаю, сколько мне еще отведено, боюсь, как только я закрою глаза, действительно не останется никого, кто бы помнил о нем.

Рука Ли Цзиншу едва заметно дрогнула, и маскоподобная улыбка чуть не сползла с ее лица.

Маршал не смотрел на нее и, словно беседуя сам с собой, тихо продолжил:

— Ради удобства привязанности внештатные генералы обычно указывают в контактах своих адъютантов, секретарш или начальников личной охраны. Ваш брат столько лет провел в Серебряной Крепости, но в графе экстренных контактов всегда значились только вы, и это никогда не менялось... Нельзя сказать, что он к вам ничего не чувствовал.

Ли Цзиншу остановилась. В нескольких шагах позади, в лучах угасающего света, ее лицо казалось смазанным, зато в глазах отражались мелкие искры — почти как слезы.

— Дедушка Вулф, простите.

Ее голос звучал невнятно, застряв где-то в горле. Маршал, немного туговатый на ухо, озабоченно повернулся к ней:

— Что ты сказала?

Алые губы Ли Цзиншу на секунду задрожали, но усилием воли она растянула их обратно в беззаботную улыбку:

— Ничего. Желаю вам спокойной ночи, было очень приятно пообщаться. Вон там Гордон, мне нужно идти.

С этими словами Ли Цзиншу легко поклонилась и, словно изящное облачко, неторопливо упорхнула прочь.

29 июня 275 года Новой эры, ровно 22:00 по космическому времени. В большом зале Парламента Союза на Вото по-прежнему ярко горел свет. Бал подходил к концу, дамы и господа тепло прощались друг с другом, лесопарк шептался под ночным ветром, а аллея монументов погрузилась в тишину.

Глубоко под безмятежной Серебряной Крепостью боевой мех Чжаньлу одиноко спал в секретном отсеке. Ни у кого, кроме главнокомандующего Крепостью, не было прав сюда соваться, а потому никто не заметил, как крошечный чип незаметно примостился к панели управления, взломав энергетическую систему Чжаньлу.

Тихо пискнув.

Спящий Чжаньлу не подал ни единого знака тревоги.

Все тяжелые орудия словно одновременно выдохнули, ряды контрольных лампочек погасли, а следом за этим резкий вой сирены пронзил небо.

— Аномалия в источнике энергии!

— Первая резервная система питания не заводится...

— Вторая резервная система не заводится!

— Третья резервная система вышла из-под контроля...

— Энергетическая сеть подверглась атаке!

— За пределами искусственной атмосферы зафиксированы неопознанные летающие объекты.

— Первая степень тревоги системы обороны... Система обороны отключена... Тревога... Отключение... Команды системы обороны сбиты, подключение невозможно, подключение невозможно...

Генерал Ли в панике выкарабкался из-под стола. Ему еще никогда не доводилось сталкиваться с подобным кошмаром: сперва он просто остолбенел, а мгновение спустя волосы на его теле встали дыбом — Серебряная Крепость атакована!

Серебряная Крепость была важнейшим стратегическим объектом, неприступной цитаделью, последним клинком Военного совета Союза. Обычно, если в других галактиках происходили ЧП, с которыми те не могли справиться, они в экстренном порядке запрашивали помощи у Серебряной Крепости. Кто вообще посмел посягнуть на святое?

Это невозможно.

Но в следующий миг в рубку влетел начальник личной охраны:

— Генерал, защитные системы сбиты! По меньшей мере тысяча сверхпространственных тяжелых мехов уже преодолела искусственную атмосферу!

— Что...

— Грохм! — от страшного грохота пол заходил ходуном. Генерал Ли с размаху впечатался в стену, а в небо взметнулись языки пламени.

В то же самое время на столичной планете генеральный секретарь Гордон попрощался с коллегами и вместе с женой направился домой на машине. Невзрачный на вид личный транспорт был оснащен защитными системами боевого меха, но при этом оставался невероятно легким. Он беспрепятственно скользил по воздушной полосе, и сидевшие внутри люди практически не слышали шума и не чувствовали вибрации.

Гордон был слегка навеселе. Опасаясь вызвать раздражение жены, перед тем как сесть в машину, он попросил Эдем скорректировать уровень алкоголя в крови. Сжимая мягкую изящную ручку женщины, генсек еще не растерял триумфального ощущения от недавних лестных похвал в свой адрес и лучезарно улыбался:

— На бал пригласили петь Евгеньевию, ты ее видела? Впрочем, на таких искусно созданных женщин вблизи лучше не смотреть, по сравнению с тобой они просто... Ха-ха... Ну как, ты сегодня довольна?

— Довольна, — Ли Цзиншу мягко сжала его руку в ответ. — Сегодня мой...

Машина резко замерла. Приборная панель замигала необычным светом, бортовой искусственный интеллект умолк, и автомобиль завис на полупустой орбите, застыв подобно пылинке.

Гордон удивленно нахмурился:

— В чем дело?

Ли Цзиншу подняла голову.

Телохранитель на переднем сиденье тут же шевельнулся, собираясь проверить обстановку, но в этот момент бортовой ИИ прерывистым голосом произнес:

— Система подверглась неизвестной атаке, запущен протокол принудительной безопасности... Кх-ш-ш...

Гордон нахмурился еще сильнее:

— Что такое?

В тот же миг из темноты наперерез выскочила колонна легких броневиков — охранные системы орбиты даже не пикнули! Телохранители генерального секретаря среагировали мгновенно: это покушение!

Кортеж охраны ринулся вперед, завязалась перестрелка. Гордон выругался, вцепился в руку Ли Цзиншу и рывкнул на охранников:

— Чего стоите, идиоты, активируйте пространственное поле, убирайте нас отсюда!

Охранник крикнул Есть!, торопливо дернув аварийную дверцу под сиденьем — внутри находился генератор экстренного пространственного поля. Сочтя, что тот копается слишком медленно, Гордон оттолкнул его, сам судорожно вбил команду и, обернувшись к Ли Цзиншу, бросил:

— Пространственный прыжок — процедура неприятная, ты...

Слова «потерпи» он договорить не успел: бортовой искусственный интеллект сошел с ума, и из отсека пространственного поля выскользнуло лазерное лезвие, мгновенно разрезавшее генерального секретаря Гордона на две идеально ровные половинки.

Охранник и Ли Цзиншу на мгновение замерли. Гордон продолжал смотреть жене в глаза, и во взгляде его читалось крайнее изумление.

В следующий момент его тело окончательно распалось надвое, и хлынувшие потоки крови фонтаном брызнули во все стороны, с ног до головы забрызгав Ли Цзиншу.

Охранник завопил:

— Госпожа, уходите!

Кто-то подхватил Ли Цзиншу и выкатился наружу. Там, где никто не мог ее видеть, она высунула язык и слизала каплю крови, попавшую в уголок рта.

«Горячая, — подумала она. — И даже сладкая».

После чего, изобразив человека, к которому только что вернулись душа и разум, она издала вполне уместный в такой ситуации испуганный крик.

Чжаньлу, находившийся далеко в Восьмой Галактике, словно что-то почувствовал: он резко замер, будто у него зависла система. Стакан, который он как раз наполнял горячей водой, переполнился, и кипяток ошпарил ему руку.

Четвертый внезапно поднял голову.

Буря приближалась.

— В чем дело? — Чжаньлу протянул руку и выключил горячую воду. — Чжаньлу, доложи о неполадках.

— Корпус меха Чжаньлу получил серьезные повреждения... 30%... 60%... 80%... Предупреждение, разрушение продолжается...

Четвертый схватил его за холодное запястье. Чжаньлу широко распахнул ярко-зеленые глаза:

— Хозяин, я потерял связь с корпусом.

На долю секунды зрачки Четвертого сузились до точек, но он тут же опустил ресницы, скрывая взгляд, забрал у Чжаньлу стакан с кипятком, отлил немного, бросил внутрь чайный пакетик и, развернувшись, уселся за журнальный столик.

Комнату наполнил мягкий аромат заварки, а небо над планетой Пекин-β сияло суровым лазоревым цветом.

— Несчастный случай, — Чжаньлу стер пальцем каплю воды, скатившуюся по краю стакана, и потер подушечки пальцев. Он по-прежнему говорил спокойно, даже чуть медленнее обычного: — Без паники. Давай сначала угадаем, что произошло... Твой корпус находится на самом нижнем уровне Серебряной Крепости. По идее, выставлять его напоказ никто не собирался.

— Система защиты моего корпуса имеет высший уровень допуска в Союзе и способна выдержать любые прямые попадания из оружия тяжелее стандартного. Судя по скорости разрушений, которую я фиксировал секунду назад, корпус подвергался непрерывным ударам из тяжелых орудий... Скорее всего, била не одна сверхпространственная тяжелая боевая машина. — Чжаньлу попытался восстановить связь с тезкой-мехом, застрявшим в Серебряной Крепости, но несколько попыток подряд окончились неудачей. Ощущая странную скованность, он подвигался, словно несмазанный механизм, поочередно разминая каждый сустав: — Простите, хозяин, мне сейчас немного непривычно. Ощущение такое, будто мне вырезали какой-то жизненно важный орган.

— ... — Четвертый на секунду странно замолчал. — Чжаньлу, больше никогда никому не говори подобного вне стен этого дома.

— Слушаюсь, хозяин, — отозвался Чжаньлу. — Итак, мой корпус на нижнем уровне

Серебряной Крепости подвергается массовой бомбардировке.

Значит, саму Серебряную Крепость к этому моменту, скорее всего, разнесли в хлам.

Четвертый откинулся на спинку кресла:

— Географическое положение Серебряной Крепости крайне деликатное. Она расположена на стыке Первой и Второй галактик, связана линиями тревоги с обеими звездными системами, со всех сторон окружена восемью межзвездными трассами, находится под жесточайшей охраной, а по внешнему периметру ее прикрывают еще три военных форпоста. При такой обороне туда даже муха не пролетит. Ни лобовая атака, ни масштабный прыжок тяжелых мехов там просто нереалистичны.

Чжаньлу развернул ладонь вверх, и над журнальным столиком повисла трехмерная карта межзвездных путей. Восемь трасс вокруг Серебряной Крепости пестрели от обилия заграждений, между которыми сновали семьдесят шесть контрольно-пропускных пунктов. Кроме того, за пределами путей кружили три гарнизонных форпоста — «Бэрон», «Колибри» и «Чанбайшань», — вращавшиеся вокруг Серебряной Крепости словно три спутника.

— Первый гвардейский отряд Серебряной Крепости я оставил на торговых путях. Случись что неладное, они бы давно передали весть. — Правдоподобная голограмма звездных орбит отражалась в его серых глазах. — Оборону и вооружение всей крепости я настраивал лично. Шесть резервных источников энергии, а огневой мощи хватит, чтобы превратить всю Первую Галактику в метеоритный дождь. Даже если бы командовать Серебряной Крепостью поставили ручную собачку, она бы не сдалась вот так бесшумно и вчистую.

Чжаньлу вставил реплику:

— Крепость вместо вас принял генерал Арес Ли.

Четвертый — Ли, сорвавший с себя военную форму и зарекшийся произносить свое настоящее имя — на мгновение замер:

— Ну, это действительно почти то же самое, что поставить туда собаку.

Чжаньлу уточнил:

— Вы полагаете, что высшее должностное лицо Серебряной Крепости, генерал Ли, предал нас и собственноручно отключил системы защиты?

— Возможно, он. А возможно, кто-то с еще более высоким уровнем допуска, — Ли Цзинхэн крутанул чашку и холодно усмехнулся. — Я еще палец о палец не ударил, а они уже грызутся между собой... Чжаньлу, постарайся связаться с Первым гвардейским отрядом. Передай им, чтобы не зевали и отступали. При отходе используйте гражданские трассы, обходите форпост «Колибри».

Свои приказы Чжаньлу выполнял всегда без промедления, а вопросы задавал уже потом. Быстро отправив сообщение, он бесстрастно произнес:

— Генерал Елисев из форпоста «Колибри» — ваш друг, хозяин. Вы подозреваете, что он тоже предал Союз?

— Во-первых, чтобы превратить Серебряную Крепость в решето, нужна как минимум сотня, а то и тысяча мехов. Такое количество тяжелой техники не может просто так прогуливаться по небу, словно на пикнике, иначе близлежащие планеты засекли бы их невооруженным глазом. Поэтому, откуда бы ни пришла эта сила — из-за Внешнего Рубежа или из окрестностей Сердца Розы, — завести все меха в Первую Галактику за один раз было невозможно. Доставка оружия должна была осуществляться заблаговременно, по частям и в строжайшем секрете. А значит, где-то поблизости от Серебряной Крепости должна существовать база, способная вместить столько тяжелой техники. Расположение и орбита «Колибри» подходят для этого идеально. — Ли Цзинхэн сделал паузу. — Во-вторых, Елисев из «Колибри» мне не друг. С чего бы мне заводить столько друзей? На самом деле Елисев — старый подчиненный учителя Лу. Он отлично маскировался, поэтому многие даже не догадывались об этом, что и позволило ему залечь на дно и сберечь силы. Все эти годы он был вынужден сидеть тихо: во-первых, из-за того, что я давил на него силой, а во-вторых, из уважения к учителю, ему не хотелось со мной ссориться. Он — волк, которого я привязал у собственного изголовья. Он меня ненавидит, но старые чувства удерживают его от того, чтобы вцепиться мне в горло.

Чжаньлу, у которого только что «падала система», слушал о столь тонких человеческих взаимоотношениях с таким напряжением, что его процессор чуть не перегрелся. Лишь спустя пару минут он спросил:

— Хозяин, зачем вы привязали волка у собственного изголовья?

Ли Цзинхэн, по обыкновению, оставил вопрос без ответа и лишь отдал короткий приказ:

— Держи всё под жестким контролем. Свяжись с Девятым из Серебряного отряда, пусть идет из-за Рубежа и найдет меня на краю Восьмой Галактики.

Чжаньлу слегка качнул пяткой, как вдруг раздался вызов от Пенелопы.

Ли Цзинхэн приподнял бровь, кивком разрешая Чжаньлу ответить за него.

Тот мгновенно принял вызов и, открыв рот, точь-в-точь симитировал голос Ли Цзинхэна:

— Что случилось?

— Четвертый, — понизив голос, проговорила Пенелопа. — Кое-кто хочет вас видеть, говорят, прибыли из-за Внешнего Рубежа. Утверждают, что вас непременно заинтересует один биологический чип... Что за чип? Вы что-то об этом знаете?

Чжаньлу поднял глаза и встретился взглядом с Четвертым.

Если из тела паука из токсичного гнезда насильно извлекли чип, те, кто стоял за ним, не могли не отреагировать... Но почему именно сейчас?

С начала учебы прошло два с половиной месяца, однако Звездная академия так и не наняла ни единого преподавателя. Зато лабораторию уже достроили, учебный процесс шел стабильно и гладко, в их распоряжении даже появился межзвездный мех, который можно было разбирать и изучать ради забавы. Всё казалось почти идеальным.

Отослав студентов, Лу Бисин по обыкновению вернулся в свою лабораторию.

Сегодняшний день выдался странным. Лаборатория была подключена к сети Чжаньлу, и обычно тот заходя приветствовал его через компьютер. Удивительный искусственный интеллект мог использовать механизмы в лаборатории как собственное тело, работать ассистентом у ректора Лу и в реальном времени синхронизировать прогресс с хозяином.

Верно, этот проклятый искусственный интеллект был настолько умен, что позволял ему комфортно общаться со всеми спонсорами, не выходя из дома. Правда, сам Лу Бисин не видел от Ли ни единой волосинки уже целых три месяца.

Таинственный Ли и технологии возрастом как минимум на сто лет опережающие Восьмую Галактику, действовали на Лу Бисина, существа иного порядка, словно магнит. Не то чтобы он тосковал до помутнения рассудка, если не видел его и дня, просто ему вечно хотелось сказать ему пару слов — по делу или без. И пусть Ли вечно отмахивался, а редкие ответы приходилось рассматривать под микроскопом, выискивая по одному кадру, Лу Бисин всё равно чувствовал: что бы он ни сказал, Ли поймет.

В необъятной Восьмой Галактике найти того, кто не считал бы его психом, было непросто.

— Чжаньлу? — с сомнением позвал Лу Бисин. Тишина. Судя по всему, собеседника на месте не было.

Искусственный интеллект тоже может прогуливать работу без уважительной причины?

Бормоча себе под нос, Лу Бисин воспользовался тем, что никто за ним не наблюдает, и взъерошил собственные волосы, превратив аккуратную прическу назад в нечто совершенно нежизнеспособное — пряди теперь торчали во все стороны. Затем он сладко потянулся так, что, казалось, вырос на целый метр, и подумал: «Не приходит — и ладно, мне одному даже вольготнее».

Переодеваясь, он листал прошлые результаты экспериментов. За последние несколько месяцев они с Чжаньлу почти раскусили тот биологический чип — можно сказать, это была грубая предтеча Эдема. Разница заключалась в том, что Эдем представлял собой сеть, интерактивную платформу. Этот же чип больше напоминал злонамеренный передатчик сигналов: он излучал волны вокруг себя, и чем выше была энергия, тем шире радиус охвата. При активации чип,

подобно вирусу, бесцеремонно вторгнулся в органы чувств человека и окружающие интеллектуальные системы. Способ подключения в точности копировал Эдем, однако общаться с людьми или машинами внутри сети он не умел. Чип лишь заданным образом влиял на чужие чувства по строго ограниченному числу сценариев, заранее прописанных в его внутреннем коде, и носитель не мог управлять этим по своему желанию.

Было во всей этой истории еще кое-что, поставить в тупик любого исследователя: с какого перепугу этот чип превратил «паука» в неуязвимого супермена?

Когда они раньше пробовали имплантировать биологический чип лабораторным мышам, ничего подобного не происходило.

Лу Бисин полистал показатели жизнедеятельности мышей, снова уставился на биочип круглыми от раздумий глазами, и в его голове внезапно зародилась паршивая идея.

— Чжаньлу, тебя всё еще нет? — снова обратился он к пустому кабинету.

По-прежнему ни звука.

Решившись, Лу Бисин в два счета разложил медицинские инструменты, нервно, но с жгучим интересом провел полную дезинфекцию тела, запрограммировал последовательность действий и лег в стерильную капсулу.

Медицинская система лаборатории была модернизирована Чжаньлу и превосходила все мыслимые ожидания Лу Бисина. Изначально она предназначалась для экстренных ситуаций, но ректор Лу решил использовать ее для экспериментов на человеке.

Не прошло и минуты, как небольшая операция по имплантации завершилась практически безболезненно.

Любитель ходить по краю пропасти Лу Бисин аккуратно зафиксировал все изменения жизненных показателей после подключения чипа и насвистел мотивчик песенки под названием «Кошка, которую убило любопытство», после чего попробовал запустить чип.

Что же произойдет?

В ту же секунду в грудь словно ударил разряд тока — всего один толчок. Не то чтобы неприятно, но сердце у него испуганно ёкнуло.

<http://bllate.org/book/19100/1876002>